

текст

Али Салем АльшурманЛипецкий
государственный
технологический
университет**Анас Мохаммад Батаинех**Колледж Национального
технологического
университета (Амман,
Иордания)**Сайед Хуссейн Альхмуд**Университет прикладных
наук (Амман, Иордания)

text

Ali Salem AlshurmanLipetsk State Technical
University**Anas Mohammad Bataineh**National University College
of Technology (Amman,
Jordan)**Saeed Hussein Alhמוד**University of Applied
Science (Amman, Jordan)

Рассмотрены некоторые аспекты культуры эпохи Омейядов. Несмотря на активное взаимодействие ранней исламской культуры с культурами Персии, Византии, Рима и Средней Азии, традиционная арабская поэзия остается объектом глубокого почитания. Основные эτικο-эстетические принципы арабской поэзии трансформировались в приемы оформления жилых, дворцовых и храмовых интерьеров. Эти принципы можно проследить в мотивах арабского текстиля, в частности ковров. Сделан вывод о том, что традиционная культура может сохраняться в некоторых элементах интерьера, несмотря на значительные внешние изменения.

Ключевые слова: арабская культура; Омейяды; ранняя культура ислама; интерьер; текстиль; поэзия. /

Some aspects of the culture of the Umayyad era are considered. Despite the active interaction of early Islamic culture with the cultures of Persia, Byzantium, Rome and Central Asia, traditional Arabic poetry remains an object of deep veneration. The basic ethical and aesthetic principles of Arabic poetry were transformed into the methods of decoration of residential, palace and temple interiors. In particular, these principles can be traced in the motifs of Arab textiles, in particular carpets. It is concluded that traditional culture can be preserved in some elements of interior design despite significant external changes.

Keywords: Arab culture; Umayyads; early Islamic culture; interior; textiles; poetry.

Интерьер эпохи Омейядов в современном контексте / The interior of the Umayyad era in a contemporary context

Введение

Одним из модных трендов современного дизайна интерьера является так называемый «арабский стиль». Сотни архитектурно-дизайнерских бюро предлагают тысячи вариантов оформления жилья и общественных помещений в стилистических рамках, которые принято связывать с традиционной арабской культурой. Основными признаками этого направления являются прихотливые сложные геометрические узоры, заполняющие все свободные поверхности, яркие и пестрые сочетания локальных цветов, прижатая к полу композиция пространства и так далее – все это с претензией на «дворцовую роскошь». В итоге обычно получается некая постмодернистская смесь барокко и шинуазри с псевдоцыганским стилем «бохо». Надо ли говорить о том, что все это не имеет ничего общего с подлинными культурными традициями арабов?

Арабская культура является одной из наиболее древних живых культур современности. За десятки веков своего существования она впитала множество различных течений и влияний [1]. Порой бывает непросто отличить аутентичное культурное наследие арабов от привнесенных элементов. В наибольшей степени это относится к тем периодам, когда арабская культура переживала периоды подъема и экспансии.

В середине первого тысячелетия нашей эры культура арабского мира испытывала стремительный и мощный подъем. Первым политическим образованием, возникшим в результате этого подъема, стал халифат под управлением династии Омейядов (в другой транскрипции Умайядов).

1. Предпосылки и контекст

Арабская культура халифата сложилась в географическом «зазоре» между двумя империями – Персией Сасанидов и Византией Юстиниана Великого и его преемников. Образ жизни в обеих империях носил ярко выраженный урбанизированный характер: жизненный уклад и персов, и византийцев был организован как сеть городов, в которых концентрировалась власть, богатство, военная сила, искусство, идеология и все прочие атрибуты государства как такового [2, 3]. Урбанистический

уклад с его сложной и подробной регламентацией жизни, четким распределением социальных ролей и стремлением к стабильности неизбежно сказался на формировании арабской культуры периода возникновения ислама. На территориях, непосредственно примыкающих к обеим империям, образовались небольшие арабские княжества с оседлым и частично урбанизированным укладом – княжество Лахмидов с центром в Хире на границе с Ираном и княжество Гассанидов рядом с Византией.

Второе свое начало арабская культура той эпохи берет в укладе жизни кочевников, жителей пустынных и засушливых регионов Аравийского полуострова (бедуинов). Жесткая, недружелюбная природная среда сформировала мировоззрение, в котором человеческая жизнь имела ценность лишь относительную. Описания культуры доисламских арабов-бедуинов полны эпизодами кровавых междоусобиц и почти непрерывных вендетт. Сказание, характеризующее нравы той эпохи, приводит, например, Август Мюллер: «В пятом веке н. э. возвысился Кулейб ибн Рабия, правитель народа Бену Таглиб и родственного ему племени Бену Бекр.

Кулейб (известный также под именем Ва'иль) был человеком заносчивым и вспыльчивым. Однажды у него в гостях жила его дальняя родственница Бесус со своими близкими, а эти люди привели также и своих верблюдов. Раз как-то Кулейб обходил ограду выгона. Случайно взор его упал на жаворонка, сидевшего на яйцах. Птичка вскрикнула пронзительно и затрепетала крылышками. Кулейб был тогда в хорошем настроении и сказал: “Чего боишься, ты и твои яйца находятся под моим покровительством. Поверь, никто не посмеет тебя тронуть”. А когда немного спустя проходил он опять тем же местом, заметил след верблюда, ему неизвестного, яйца же были растоптаны» [4, с. 8]. Кулейб обвинил в разорении гнезда одного из верблюдов, принадлежавших Бесус или ее родственникам. И этот эпизод послужил поводом для ссоры, быстро разгоревшейся вплоть до убийства самого Кулейба, а затем и кровавой междоусобицы, продолжавшейся сорок лет.

Однако, несмотря на высокий уровень агрессии внутри бедуинского этноса, кочевники не истребили друг друга, но успешно противостояли и трудному климату, и воен-

Introduction

One of the fashionable trends of modern interior design is the so-called 'Arabian style'. Hundreds of architectural and design bureaus offer thousands of options for the design of housing and public spaces in the stylistic framework, which is commonly associated with traditional Arab culture. The main features of this trend are fastidious complex geometric patterns filling all free surfaces, bright and motley combinations of local colours, the composition of space pressed to the floor and so on – all this with a claim to 'palatial luxury'. The result is usually a kind of postmodernist mixture of baroque and chinoiserie with a pseudo-Gypsy boho style. Needless to say, all this has nothing to do with the true cultural traditions of the Arabs.

Arab culture is one of the oldest living cultures of our time. For tens of centuries of its existence it has absorbed many different currents and influences (Lewis, 2020). Sometimes it can be difficult to distinguish between authentic Arab cultural heritage and imported elements. This is most true for those periods when Arab culture was experiencing periods of growth and expansion.

In the middle of the first millennium AD, the culture of the Arab world experienced a rapid and powerful upsurge. The first political

entity to emerge from this upsurge was the caliphate under the Umayyad dynasty.

1. Background and context

The Arab culture of the Caliphate developed in the geographical 'gap' between two empires, Sassanid Persia and the Byzantine Empire of Justinian the Great and his successors. The way of life in both empires had a pronounced urbanised character: the life style of both Persians and Byzantines was organised as a network of cities, where power, wealth, military power, art, ideology and all other attributes of the state as such were concentrated (Olmsted, 1959; Stathakopoulos, 2023). The urban way of life with its complex and detailed regulation of life, clear distribution of social roles and the desire for stability inevitably affected the formation of Arab culture of the pre-Islamic period. Even small Arab principalities with a settled and partially urbanised way of life were formed in the territories immediately adjacent to both empires – the Lakhmid principality with its centre in Hira on the border with Iran and the Ghassanid principality near Byzantium.

The second origin of Arabian culture is in the way of life of nomads, inhabitants of desert and arid regions of the Arabian

ной мощи соседних империй. Бесконечная вражда сотен племен арабских кочевников имела свой противовес в виде общности языка.

Арабский язык с древнейших времен отличался богатством, музыкальностью и выразительностью. Поэзия считалась возвышенным, священным явлением, а поэты получали статус почти пророческий: сказанное поэтом почиталось за истину безо всяких логических или разумных обоснований [5]. Подлинный бедуин, воин-всадник «фарис» не только отличается физической силой, выносливостью и храбростью, не только мастерски владеет всеми видами оружия, но также обладает красноречием и умеет слагать стихи в традиционных формах – прославлении себя и своего племени (фахр и мадх), описании победных сражений (васф), высмеивание врагов (хиджа). Но человек, наделенный еще и поэтическим даром, занимал в структуре племени почетное место рядом с вождем и жрецом: к его советам прислушивались, а его суждения по морально-этическим вопросам обладали огромным авторитетом.

В VII в. н. э. в регионе происходит целый ряд важнейших событий. Заканчивается Римский климатический оптимум – краткое потепление климата с 250 года до н. э. до примерно 400 года н. э. Наступает «климатический пессимизм раннего средневековья»: климат становится более холодным и дождливым, что угнетает крупные земледельческие империи [6]. Западная Римская империя приходит в упадок и распадается, ее центр перемещается в торговую Византию, однако к VII веку н. э. и Византия, и Персия приходят ослабленными в результате многолетних войн между империями. Одновременно происходит снижение аридности климата полупустынных и пустынных регионов Ближнего Востока и Аравийского полуострова [7]. Луга и степи дают больше корма для скота и, следовательно, для людей. Численность бедуинских племен растет, но одновременно растут и торговые контакты с ближними и дальними соседями. Прежний полуразбойничий уклад жизни, основанный на постоянном балансировании рядом со смертью, теряет свою романтическую привлекательность. Мекка становится центром межплеменной торговли, где запрещены войны и разбой, и этот запрет приобретает все более священный, религиозный

характер. Все это подготавливает почву для возникновения третьей великой авраамической религии, ислама.

Пророк Мухаммед начал свои проповеди в Мекке около 620 года н. э., но был встречен враждебно и в 622 году вместе с ближайшими приверженцами бежал в земледельческий город Ястриб (теперь он называется Мадина-ан-Наби, или Медина, город пророка). Год переселения (хиджры) считается первым годом мусульманского летоисчисления.

Надо заметить, что ислам при своем возникновении в полной мере опирался на особенности арабской культурной традиции, в первую очередь – на традиции арабской поэзии. В отличие от христианства, которое зародилось и выросло внутри греко-римской культурной среды и впитало интеллектуальное наследие античности, воздействие священных текстов ислама в основном опирается на красочные, мощные образы. Язык первоначального ислама поэтичен, музыкален и воспринимается в первую очередь на эмоционально-образном уровне.

Почитание поэтов выразилось, в частности, в том, что в храме Кааба были вывешены семь свитков с наиболее значительными доисламскими поэмами, вышитыми золотом. Эти поэмы, получившие название «Муаллака» («свисающие» или «висячие»), воспринимаются как святыни, несмотря на откровенно языческое прославление войны, охоты, быстрого коня и пленительной красавицы.

В последующие несколько лет новое учение стремительно завоевывает арабские племена как оседлые, так и кочевые. Уже к 630 году н. э. большинство аравийских племен приняли Мухаммеда как халифа – вождя, который с самого начала соединил в себе духовную, религиозную и государственную власть. Ислам позволил остановить непрерывные межплеменные войны, объединить арабов и направить их воинственность на внешние завоевания.

После смерти Мухаммеда в 632 году его дело продолжили четыре «праведных халифа», каждый из которых был одновременно имамом (главой мусульманской уммы) и эмиром (то есть светским правителем и военачальником). К 661 году установился принцип наследования верховной власти. Принцип был глубоко чужд традиционной культуре бедуинов, ценивших не происхождение, а только личные качества правителя, но этого потребовали

Peninsula (Bedouins). The harsh, unfriendly natural environment formed a worldview in which human life had only relative value. Descriptions of the culture of the pre-Islamic Bedouin Arabs are full of episodes of bloody feuds and almost continuous vendettas. A tale characterising the mores of that era is given, for example, by August Müller:

‘In the fifth century AD, Kuleib ibn Rabia, ruler of the people of Benu Taghlib and his kindred tribe of Benu Bekr, rose to power.

Kuleib (also known as Wa’il) was a man of arrogance and temper. One day his distant relative Besus and her relatives were visiting him, and these people brought their camels as well. ‘Once Kuleib was going round the fence of a grazing-ground. By chance his eyes fell on a lark sitting on eggs. The bird cried out shrilly and fluttered its wings. Kuleib was then in a good humour and said: ‘What are you afraid of, you and your eggs are under my protection. Believe me, no one will dare to touch you.’ And when a little later he passed the same place again, he noticed the trail of a camel, unknown to him, the eggs were trampled’ (Müller, 2023, P.8). Kuleib accused one of the camels belonging to Besus or her relatives of ruining the nest. This episode served as a reason for a quarrel that quickly escalated

until Kuleib himself was killed, and then a bloody feud that lasted for forty years.

The endless enmity of hundreds of Arab nomadic tribes had its counterbalance in the form of a common language. Since ancient times, the Arabic language has been characterised by its richness, musicality and expressiveness. Poetry was considered a sublime, sacred phenomenon, and poets were given an almost prophetic status – what the poet said was regarded as truth without any logical or reasonable justification (Filshtinskiy, 1977). A true Bedouin, a warrior-rider ‘faris’ is not only characterised by physical strength, endurance and bravery, not only skilled in all kinds of weapons, but also possesses eloquence and is able to compose poetry in traditional forms: glorifying himself and his tribe (fakhr and madh), describing victorious battles (waf), ridiculing enemies (hijja). But a man endowed with the gift of poetry occupied a place of honour in the structure of the tribe next to the chief and priest. His advice was listened to, and his judgments on moral and ethical issues had great authority.

In the seventh century AD, a number of major events take place in the region. The Roman climatic optimum ends – a brief warming

задачи государственного строительства. В 661–750 годы власть оставалась в руках династии Омейядов. В эти годы к халифату были присоединены Сирия, Палестина, Ирак, Иран, Египет и вся Северная Африка, Испания. Образовалась теократическая империя, простирающаяся от Инда до Атлантического океана. Задачи управления огромным государством потребовали обращения к опыту предыдущих империй.

2. Переосмысление заимствований

В период Омейядов культура ислама активно впитывала достижения народов халифата. Труды античных философов переводились на арабский язык, а переводы, ранее сделанные сирийскими христианами, переписывались и изучались [8]. Архитектура (в первую очередь дворцовая и храмовая) использовала приемы римской и византийской школ [9]. Знать охотно перенимала уклад жизни, связанный с роскошью и изобилием, принятым среди элит завоеванных регионов.

В то же время интерьеры менее элитарных слоев арабского общества в большей мере сохраняли традиционные ценности и связанный с ними уклад жизни. Аскетизм пустынных кочевников, разумеется, и здесь смягчался стабильной и сытой жизнью оседлых культур, но некоторые традиции сохранялись в метафорическом транс-

формированном виде. Ярким примером таких трансформаций является ковер – элемент интерьера, одинаково любимый и в оседлых, и в кочевых культурах.

Ковры и ковровые подушки играют огромную роль в традиционном интерьере Персии, в Северной Африке, в Закавказье, а также в Средней Азии, где ковры зачастую заменяют всю остальную мебель. Искусство ковроткачества известно в этих регионах по крайней мере с середины первого тысячелетия до н. э. Упоминание о персидских коврах встречается, например, в «Анабазисе» Ксенофонта (около 370 до н. э.) [10].

Самый древний из сохранившихся до наших дней ковер был обнаружен экспедицией С. И. Руденко при раскопках «кургана № 5» в алтайском регионе Пазырык. Этот ковер вмерз в глыбу льда в эпоху, датировка которой находится в широком диапазоне – от конца VI в. до II в. до н. э., и вечная мерзлота предохранила его от разрушения. Варианты происхождения ковра также разнообразны: он может быть персидским, парфянским, массагетским, согдийским, среднеазиатским и так далее [11].

Орнамент пазырыкского ковра включает как геометрические элементы, так и изображения реальных (люди, кони, лани) и фантастических (грифоны) существ. Существует множество версий того, какой именно символический смысл несли эти изображения в представлении изготовителей ковра [12]. Одной из наиболее глубоких и содержательных теорий является трактовка, предложенная Ф. Р. Балоновым [13]. В его понимании существует смысловая и формальная связь между особенностями орнамента и принципами построения поэтических произведений древней Индии и Междуречья. Применяя аналитические методы этнографии, истории, поэтики, символики цвета и математической теории симметрии, Ф. Р. Балонов обосновывает вывод о том, что орнамент пазырыкского ковра отражает эстетические и мировоззренческие принципы, изложенные в ведических гимнах (Ригведа, Каушитака-упанишада и другие). Таким образом, древнейшие основы индоевропейской культуры закреплены и выражены в рисунке ковра, а вместе с ним в повседневном жизненном обиходе. Ковер в зритель-

> Рис. 1. Фрагмент ковра из кургана Пазырык-5.

Череда конников организована по тому же принципу, что и сквозная рифма в каскаде. Верховые и пешие конники чередуются в прихотливом порядке, лишённом монотонности, а в следующем поясе изображений (ближе к центру ковра) олени движутся подобным же образом, но в обратном направлении. В итоге возникает сложный вид симметрии подобия с эффектом двойного вихреобразного вращения

Fig. 1. A fragment of a carpet from the Pazyryk-5 burial mound. The succession of cavalymen is organised on the same principle as the through-rhyme in the kasyde. Mounted and foot cavalymen alternate in a whimsical order devoid of monotony, and in the next belt of images (closer to the centre of the carpet) deer move in a similar way, but in the opposite direction. The result is a complex kind of symmetry of similarity with the effect of a double whirlwind rotation

of the climate from 250 BC to about 400 AD. The 'climatic pessimism of the early Middle Ages' occurs: the climate becomes colder and rainier, which depresses the large agricultural empires (Botalov, 2020). The Western Roman Empire declines and disintegrates, its centre moves to the trading Byzantium, but by the 7th century AD both Byzantium and Persia come weakened as a result of years of warfare between the empires. Simultaneously, the aridity of the climate of the semi-desert and desert regions of the Middle East and Arabian Peninsula decreases (Gumilev, 1966). Meadows and steppes provide more fodder for livestock and therefore for people. Bedouin tribes grow in numbers, but at the same time trade contacts with near and far neighbours grow. The old semi-robbery lifestyle, based on a constant balancing act close to death, loses its romantic appeal. Mecca becomes a centre of intertribal trade, where war and robbery are forbidden, and this prohibition acquires an increasingly sacred, religious character. All this sets the stage for the emergence of the third great Abrahamic religion, Islam.

Prophet Muhammad began his sermons in Mecca around 620 AD, but was met with hostility and in 622 fled with his closest followers to the agricultural city of Yastrib (now called Madinat-an-Nabi or

Medina, the city of the prophet). The year of migration (hijra) is considered to be the first year of the Muslim chronology. It should be noted that Islam at its inception was fully based on the peculiarities of the Arab cultural tradition – first of all, on the traditions of Arabic poetry. Unlike Christianity, which originated and grew within the Greco-Roman cultural environment and absorbed the intellectual heritage of antiquity, the impact of the sacred texts of Islam is mainly based on colourful, powerful images. The language of original Islam is poetic, musical, and perceived primarily on an emotional and imaginative plane.

The veneration of poets was expressed, in particular, in the fact that seven scrolls with the most significant pre-Islamic poems embroidered in gold were displayed in the Kaaba temple. These poems, called 'Muallaqa' ('dangling' or 'hanging'), were perceived as sacred, despite the overtly pagan glorification of war, hunting, the swift horse and the captivating beauty.

In the next few years, the new doctrine rapidly conquers the Arab tribes, both sedentary and nomadic. Already by 630 A.D. the majority of Arabian tribes accepted Mohammed as a caliph, a leader who from the very beginning combined spiritual, religious and

ном, орнаментальном виде излагает образы, которые содержатся в поэтических текстах.

3. Ковры, мозаики и культурное наследие

Ковры эпохи первоначального ислама в подлинниках до нас не дошли. Сохранились описания, но их иноязычный язык не позволяет сделать сколько-нибудь конкретный вывод о том, как именно выглядели эти ковры, а тем более проанализировать их символическое и образное наполнение.

Тем не менее мы можем обратиться к другому виду декоративного оформления интерьера эпохи Омейядов, а именно – к напольным мозаикам. Очевидно, мозаики опирались на ту же образную и мировоззренческую основу, что и культура раннего ислама в целом, а во многих случаях мозаики прямо имитировали ковровое покрытие (так как были заметно дешевле и гораздо долговечнее) [14].

Технологии напольных мозаик в основном были переняты у римских мастеров, поэтому красочная роскошь византийской смальтовой мозаики не встречается даже в дворцовых интерьерах халифата Омейядов. В основном использовались недорогие местные камни, так что цветовая гамма мозаик получалась сдержанной и оттеночной. Зато геометрические узоры принимали весьма прихотливую и разнообразную форму, а изображения животных и людей поражали своей лаконичностью и тонкими полутонными переходами. Принцип превращения обычных камешков в произведение искусства отчетливо перекликается с эстетикой традиционной арабской поэзии, наполненной удивлением и восторгом перед, казалось бы, самыми обычными явлениями повседневной жизни.

Сложный ритм и причудливые варианты симметрии (включая наиболее прихотливые вариации на основе симметрии подобия) также роднит арабские мозаики с касидами той эпохи. Сквозная рифма, местами переходящая в нежные ассонансы, воспринимается точно так же, как метроритмическая основа геометрических орнаментов.

В эпоху, когда запрет на изображения животных и людей еще не стал всеобъемлющим, удивляет свободное соседство вполне реалистичных фигур с фан-

тастическими животными и обобщенными фигурами, как бы переходными между анатомической точностью изображения и абстрактным знаком. В мозаиках эпохи Омейядов можно увидеть и скифский «звериный» стиль, и плоскостную манеру византийской иконописи. Столь свободный переход от отвлеченных, абстрактных образов к точным зарисовкам «вещного» мира также один из базовых принципов арабской поэзии.

Один из крупнейших поэтов эпохи возникновения ислама, Имру'аль-Кайс (в русскоязычной литературе принято слитное написание: Имруулькайс) так пишет в своей касиде, одной из Муаллака:

*«...Люди с годами трезвеют, а я не могу
Страсть превозмочь и поныне живу, как в тумане.*

*Сколько ретивых соперников я одолел,
Сколько оставил советов благих без вниманья!*

*Тьма с головой накрывала меня по ночам
Черной волной и готовила мне испытанья.*

в Мозаичный пол бани во дворце Хирбат Аль-Мафьяр арабского халифа (предположительно халифа Хишама, VIII в. н. э., Палестина). Фотография сделана сверху. По краям изображения видно, как мозаики переходят в резьбу по штукатурке (стук), повторяя характер плавных, волнообразных линий мозаики, аналогично плавному течению традиционного арабского стиха

Fig. 2. Mosaic floor of the bath in the palace of Khirbat al-Mafyar of the Arab Caliph (presumably Caliph Hisham, 8th century AD, Palestine). The photograph is taken from above. The edges of the image show how the mosaics transition into plaster carvings (stucco), echoing the character of the smooth, undulating lines of the mosaics – similar to the smooth flow of traditional Arabic verse

state power. Islam made it possible to stop continuous inter-tribal wars, unite the Arabs and direct their militancy towards external conquest.

After Muhammad's death in 632, his work was continued by four 'righteous caliphs', each of whom was both an imam (head of the Muslim ummah) and an emir (i.e., a secular ruler and military leader). By 661, the principle of succession to supreme power had been established (deeply alien to the traditional Bedouin culture, which valued not origin but only the personal qualities of the ruler). In 661-750 the power remained in the hands of the Umayyad dynasty. In these years Syria, Palestine, Iraq, Iran, Egypt and all North Africa, and Spain were annexed to Caliphate. A theocratic empire was formed, stretching from the Indus to the Atlantic Ocean. The tasks of governing a huge state required recourse to the experience of previous empires.

2. Rethinking borrowings

During the Umayyad period, the culture of Islam actively absorbed the achievements of the peoples of the Caliphate. Works of ancient philosophers were translated into Arabic, and earlier translations made by Syrian Christians were rewritten and studied (Alshurman,

2019). Architecture (primarily palace and temple architecture) used the methods of Roman and Byzantine schools (Alshurman, 2021).

The nobility willingly adopted the lifestyles of luxury and opulence adopted by the elites of the conquered regions.

At the same time, the interiors of the less elite strata of Arab society preserved traditional values and the lifestyle associated with them to a greater extent. The asceticism of the desert nomads was, of course, softened by the stable and contented life of settled cultures, but some traditions were preserved in a metaphorical transformed form. A striking example of such transformations is the carpet, an interior element equally beloved in both sedentary and nomadic cultures.

Carpets and carpet cushions play a huge role in traditional interiors in Persia, North Africa, Transcaucasia, and Central Asia, where carpets often replace all other furniture. The art of carpet weaving has been known in these regions since at least the middle of the first millennium BC. The mention of Persian carpets can be found, for example, in Xenophontes' "Anabasis" (about 370 BC) (Xenophon, 1998).

The oldest surviving carpet was discovered by the expedition of S. I. Rudenko during the excavation of 'kurgan No. 5' in the Altai

*И припадала к земле, растянувшись, как зверь.
Длилась как будто с начала времен до скончания.*

*Я говорил ей: "Рассейся! Рассвет недалек.
Хватит с тебя и того, что царишь ты ночами!"*

*Тьма не уходит. Мне кажется: звезды небес
К Язбуль-горе приторочены крепко лучами.*

*Даже Стожары взошли и недвижно стоят,
К скалам привязаны, словно ладьи на причале*

*Утро встречаю, когда еще птиц не слышать,
Лих мой скакун, даже ветры бы нас не догнали,*

*Смел он в атаке, уйдет от погони любой,
Скор, как валун, устремившийся с гор при обвале.*

*Длинная грива струится по шее гнедой,
Словно потоки дождя на скалистом увале.*

*О, как раскатисто ржет мой ретивый скакун,
Так закипает вода в котелке на мангале...» [15, с. 28].*

Закключение

Во все времена интерьер являлся той средой, в которой синтезировались самые различные аспекты повседневной культуры. В интерьере отражаются живопись и музыка, прикладные искусства и поэзия, текстиль и лепнина. Именно поэтому в интерьере зачастую можно обнаружить как новейшие заимствования из чужеродных культур, так и древние элементы культур традиционных. На протяжении веков фрагменты традиционной культуры меняют облик, преобразуются из словесной формы в визуальную, из плоскостной в объемно-пространственную и так далее. Но в каждой традиционной культуре есть стабильные и непреходящие принципы, представления о сущности красоты и правды, которые сохраняются при любой трансформации.

Литература

1. Льюис, Б. Арабы в мировой истории : с доисламских времен до распада колониальной системы / пер. с англ. Т. М. Шуликовой. – Москва : Центрполиграф, 2017. – 221 с. : ил.
2. Олмстед, Л. История Персидской империи. – Москва : Центрполиграф, 2022. – 575 с.

3. Статакопулос, Д. Краткая история Византии. – Москва : КоЛибри, 2024. – 340 с.

4. Мюллер, А. История ислама с основания до новейших времен : в четырех томах, одиннадцати книгах. – Т. 1. / пер. с нем под ред. Медникова Н. А. ; изд. Пантелеева Л. Ф. – Санкт-Петербург : Тип. и Литогр. В. А. Тиханова, 1896. – 448 с.

5. Фильштинский, И. М. Арабская литература в средние века. – Москва : Наука, 1977 : Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. – 291 с.

6. Боталов, С. Г. Климатическая детерминанта в миграционных процессах кочевой цивилизации Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2020. – № 4. – С. 5–23.

7. Гумилёв, Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // ВЛГУ. Сер. геологии и географии. – 1966. – № 18. – С. 81–90.

8. Альшурман, Али Салем Хуссейн. Архитектурные и идейно-художественные особенности дворцовых интерьеров Омейядского периода в Иордании (VII–VIII вв. н. э.) : дис. ... кандидата искусствоведения / Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова. – Москва, 2019. – 185 с.

9. Альшурман, Али Салем Хуссейн, Орлов, И. И. Краткий анализ отдельных доисламских мотивов в сюжетах дворцовых интерьеров Кусейр-Амра и Мшатта эпохи правления Омейядов 661–750 гг. // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 12. – URL: <https://manuscript-journal.ru/article/mns20210446/fulltext> (дата обращения: 09.01.2025).

10. Ксенофонт. Анабасис. – Москва–Ленинград : Изд-во АН СССР, 1951. – 303 с.

11. Руденко, С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. – Москва : Искусство, 1968. – 136 с.

12. Gonick, G. Early Carpets and Tapestries on the Eastern Silk Road. – Melton, Woodbridge : Antique Collectors Club Dist. – 2016. – 192 pp.

13. Балонов, Ф. Р. Ворсовый пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – Москва : Наука, 1991. – С. 88–121.

14. Whitcomb, D., Hamdān, Tāhā. The Mosaics of Khirbet el-Mafjar : Hisham's Palace. – Chicago : Oriental Institute of the University of Chicago, 2015. – 128 pp.

15. Арабская поэзия средних веков : Пер. с араб. / [Вступ. статья К. Яшена] ; [Сост., послесл. и примеч. И. Фильштинского]. – Москва : Худож. лит., 1975. – 767 с. : ил. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Литература древнего Востока, античного мира, средних веков, Возрождения, XVII и XVIII вв.). – Т. 20. – Москва : Художественная литература, 1975. – 401 с.

region Pazyryk. This carpet was frozen into a block of ice in a wide time range, from the end of the VI century to the II century BC, and permafrost protected it from destruction. Variants of the carpet origin are also diverse – it can be Persian, Parthian, Massaget, Central Asian and so on (Rudenko, 1968).

The ornamentation of the Pazyryk carpet includes both geometric elements and images of real (people, horses, fallow deer) and fantastic (griffins) creatures. There are many versions of what symbolic meaning these images carried in the representation of carpet makers (Gonick, 2016). One of the most profound and meaningful theories is the interpretation proposed by F.R. Balonov (1991). In his understanding, there is a semantic and formal connection between the features of ornament and the principles of construction of poetic works of ancient India and the Middle Ages. Applying analytical methods of ethnography, history, poetics, colour symbolism and mathematical theory of symmetry, F.R. Balonov substantiates the conclusion that the ornamentation of the Pazyryk carpet reflects the aesthetic and worldview principles set out in the Vedic hymns (Rigveda, Kaushitaka Upanishad and others). The most ancient foundations of Indo-European culture are thus enshrined and expressed in the pattern of the carpet – and with it in everyday life. The carpet sets forth in visual, ornamental form the images contained in the poetic texts.

3. Carpets, mosaics and cultural heritage

The carpets of the original Islamic era have not survived in their originals. Descriptions have survived, but their allegorical language does not allow us to draw any concrete conclusions about what these carpets looked like, let alone analyse their symbolic and figurative content.

Nevertheless, we can turn to another type of decorative interior design of the Umayyad era, namely floor mosaics. Obviously, mosaics were based on the same figurative and attitudinal basis as the culture of early Islam as a whole, and in many cases mosaics directly imitated carpeting (as they were much cheaper and much more durable) (Whitcomb, 2015).

The technologies of floor mosaics were mainly adopted from Roman masters, so the colourful luxury of Byzantine smalt mosaics is not found even in the palatial interiors of the Umayyad Caliphate. Mostly inexpensive local stones were used, so that the colour range of mosaics turned out to be restrained and nuanced. But geometric patterns took a very fanciful and varied form, and images of animals and people struck by their brevity and subtle halftone transitions. The principle of transforming ordinary pebbles into a work of art clearly echoes the aesthetics of traditional Arabic poetry filled with surprise and delight at the seemingly most ordinary phenomena of everyday life.

Complex rhythm and fanciful variants of symmetry (including the most fanciful variations based on the symmetry of similarity) also relate Arabic mosaics to the qasids of that era. Cross-rhyme, which in some places changes into gentle assonances, is perceived in the same way as the metrorhythmic basis of geometric ornaments.

In the era when the ban on depictions of animals and people had not yet become all-encompassing, it is surprising to see the presence of quite realistic figures alongside fantastic animals and generalised figures, as if transitional between anatomical accuracy of the image and an abstract sign. In the mosaics of the Umayyad era one can see both the Scythian 'animal' style and the planar manner of Byzantine icon painting. Such a free transition of abstract images to accurate sketches of the 'real' world is also one of the basic principles of Arabic poetry.

One of the greatest poets of the epoch of the emergence of Islam, Imru'al-Qais writes in his qasidah, one of the Mu'allaq:

*The follies of men cease with youth, but my heart does not cease to love you.
Many bitter counselors have warned me of the disaster of your love, but I
turned away from them.*

*Many a night has let down its curtains around me amid deep grief,
It has whelmed me as a wave of the sea to try me with sorrow.*

*Then I said to the night, as slowly his huge bulk passed over me,
As his breast, his loins, his buttocks weighed on me and then passed afar,*

*"Oh long night, dawn will come, but will be no brighter without my love.
You are a wonder, with stars held up as by ropes of hemp to a solid rock."*

*At other times, I have filled a leather water-bag of my people and entered
the desert,*

*And trod its empty wastes while the wolf howled like a gambler whose
family starves.*

*I said to the wolf, "You gather as little wealth, as little prosperity as I.
What either of us gains he gives away. So do we remain thin."*

*Early in the morning, while the birds were still nesting, I mounted my
steed.*

Well-bred was he, long-bodied, outstripping the wild beasts in speed,

*Swift to attack, to flee, to turn, yet firm as a rock swept down by the
torrent,*

*Bay-colored, and so smooth the saddle slips from him, as the rain from a
smooth stone,*

*Thin but full of life, fire boils within him like the snorting of a boiling
kettle;*

*He continues at full gallop when other horses are dragging their feet in the
dust for weariness... (The poem..., 1917).*

(Unfortunately, the translation of F. E. Johnson, made in the late 19th century, does not convey the elastic rhythm and through-rhyming of the original)

Conclusion

At all times, the interior has been the medium in which the most diverse aspects of everyday culture have been synthesised. The interior reflects painting and music, applied arts and poetry, textiles and mouldings. This is why the interior often contains both the latest borrowings from foreign cultures and ancient elements of traditional cultures. Over the centuries, fragments of traditional culture change their appearance, transforming from verbal to visual, from planar to volumetric and spatial, and so on. But in every traditional culture there are stable and enduring principles, ideas about the essence of beauty and truth, which are preserved under any transformation.

References

Alshurman, Ali Salem Hussein (2019). *Architectural and Ideological and Artistic Features of Palace Interiors of the Umayyad Period in Jordan (VII-VIII centuries A.D.)* [Dissertation for the degree of Candidate of Art History (speciality 17.00.04)]. Moscow: FGBOU VO 'Moscow State Academy of Art and Industry named after S.G. Stroganov'.

Alshurman, Ali Salem Hussein, & Orlov, I. I. (2021). Pre-Islamic motives in the interior of Umayyad Quseir-Amr and Mshatta (661-750 A. D.). *Manuscript*, 14(12). Retrieved January 9, 2025, from <https://manuscript-journal.ru/article/mns20210446/fulltext>

Balonov, F. R. (1991). Pile Pazyryk carpet: semantics of composition and place in the ritual (experience of preliminary interpretation). In *Problems of interpretation of monuments of Oriental culture* (pp. 88 – 121). Moscow: Nauka.

Botalov, S.G. (2020). Climatic determinant in migration processes of the number of Eurasia's nominal civilization. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 4, 5-23.

Filshtinsky, I. M. (1977). Word Art of the Arabs in Antiquity and Early Middle Ages. In *Arabian literature in the Middle Ages*. Moscow: Nauka.

Gonick, G. (2016). *Early Carpets and Tapestries on the Eastern Silk Road*. Melton, Woodbridge: Antique Collectors Club Dist.

Gumilev, L. N. (1966). Heterochronism in the Moisture Supply of Eurasia in the Middle Ages. *VLGU, ser.geology and geography*, 18, 81-90.

Lewis, B. (2002). *The Arabs in history*. Oxford: OUP Publ.

Müller, A. (2023). *Der Islam Im Morgen- Und Abendland* (Vol. 1). London: Legare Street Press.

Olmsted, L. (1959). *History of the Persian Empire*. Chicago: University of Chicago Press.

Rudenko, S. I. (1968). *The world's oldest art carpets and fabrics from glaciated burial mounds of the Gorny Altai*. Moscow: Iskusstvo.

Stathakopoulos, D. (2023). *A Short History of the Byzantine Empire*. London: Bloomsbury Publishing

The Poem of Imru-ul-Quais by Imru' al-Qais, translated by F. E. Johnson. (1917). In Ch. F. Horne (Ed.), *The Sacred Books and Early Literature of the East* (Vol. 5 Ancient Arabia, pp. 19-27). NY: Parke, Austin, And Liscomb, Inc.

Whitcomb, D., & Tāhā, H. (2015). *The Mosaics of Khirbet el-Maffjar: Hisham's Palace*. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago.

Xenophon. (1998). *Anabasis*. Harvard: Harvard University Press.